

РОССИЯ – КИТАЙ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Институт международных отношений,
истории и востоковедения (ИМОИВ)

Высшая школа международных отношений и востоковедения
ИМОИВ

Институт Конфуция на базе КФУ

РОССИЯ – КИТАЙ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Сборник статей и докладов участников VIII научно-практической конференции

Казань – 2015

УДК 327 (510)
ББК 66.4 (5 Кит)
Р 76

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Института Конфуция на базе
Казанского (Приволжского) федерального университета*

Научное редактирование и составление:

док. ист. наук, доцент Д.Е. Мартынов

канд. ист. наук, доцент Р.Р. Мухаметзянов

ассистент Т.А. Урывская

Материалы конференции публикуются в авторской редакции.

Россия – Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников VIII Международной научно-практической конференции (Казань, 8 – 11 октября 2015 г.). – Казань, 2015. – с. 289

ISBN 978-5-98688-067-6

Сборник международной научно-практической конференции включает статьи различного содержания, в первую очередь, посвящённых актуальным проблемам российско-китайских отношений, истории Второй мировой войны на Дальнем Востоке, внешней и внутренней политике Китая, истории российского востоковедения. Они отражают всё многообразие российской китаистики и смежных отраслей социального и гуманитарного знания.

Сборник предназначен для студентов, аспирантов, преподавателей, а также всех лиц, заинтересованных проблемами китаеведения, международных отношений, зарубежного регионоведения.

© Мартынов Д.Е., 2015
© Институт Конфуция КФУ, 2015

лении структуры определительных оборотов	
Лычагин А.И. Некоторые особенности современной тайваньской политики КНР	135
Лю Дунна. Изучение и понимание иностранными студентами характерных элементов китайской традиционной культуры (外国汉语学习者对中国传统文化代表元素的认知与理解)	137
Лю Сюн. Советская помощь Китаю во время японской агрессии в исследованиях китайской научной общественности	145
Манджиева С.А. Имя существительное в калмыцком и китайском языках	150
Мартынов Д.Е. Эволюция исторических взглядов Кан Ю-Вэя	153
Никольская С.В. «Русская» тема в китайской литературе XX – XXI веков	160
Нин Хуайин. Подход к изучению лингвистической прагматики в Китае	163
Пахомова М.А. КНР и ЛАГ: система двустороннего и многостороннего партнёрства	165
Петрасяк М. Русско-китайские трансграничные отношения как пример использования парадипломатии в международных отношениях	172
Портяков В.Я. Место и роль Шэньчжэня в интеграционных процессах в южном Китае	178
Почагина О.В. Одинокие матери в современном Китае (постановка проблемы)	180
Руководельникова М.Б. Салазанова О.А. Китайский язык в средней школе и способы повышения мотиваций к обучению в новом учебном комплексе «我们说汉语» «мы говорим по-китайски»	184
Семенов А.В. К вопросу о формуле китайско-российских отношений	187
Семенова Т.Г. Проблемы иероглифической письменности в современном китаезычном пространстве	196
Сергеева А.А. "Мягкая сила" как инструмент внешней культурной политики КНР	199
● Силакова С.А. Вклад VIII, IX, X миссий как представительниц трёх периодов истории пекинской православной миссии	204
Симоненко Н.Ю. Место действия и место повествования в китайских нарративных песнях XX – начала XXI вв.	207
Сторожук А.Г. Образ обезьяны в литературе и культуре традиционного Китая	210
Суровень Д.А. Ранняя форма государства в Древнем Китае	214
Терехов А.Э. Роль апокрифических текстов (Чэнь Вэй) в развитии китайской традиции благих знамений	222
Тохметов А.Т. Эволюция взаимоотношений России и Китая в 1990-е годы	228
Урывская Т.А. Буквенные слова – новый лексический формат в современном китайском языке	232
Фаткулин Б. Г. Изучение языков национальных меньшинств Западного Китая в КНР на современном этапе	235
Хайруллина Д.И. Очерк о Того-темуре	239
Хань Юн. О различиях в культуре питания китайской и западной цивилизаций	243
Харченко М.П. Российско-китайское транспортное сотрудничество: от КВЖД до ВСЖМ	247
Холкина Л.С. Мазо О.С., Лебедева А.В. Модели словообразования в преподавании китайского языка	253
Тsankova A.D. On methodology of teaching the variative usage of -le forms in modern chinese	258
Чернова А.Ф. Современный инструментарий КНР по управлению конфликтами	266
Чэн Мо. О необходимости использования дистанционных методов обучения в учебной практике международных институтов Конфуция	268
Zhang Jian. Dynamics and prospects of China-Russian relations from the perspective of economic cooperation	271
Шагалов В.А. КНР и проблема безопасности на африканском роге	278
Шулунова Е.К. Классика и новая драма в китайском театре в настоящее время	280
Гришин Я.Я. Опыт борьбы с коррупцией в КНР	283

Сборник статей и докладов участников
VIII международной научно-практической конференции
«РОССИЯ – Китай:
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА»

ISSN 578688067-6

Подписано в печать 23.11.2015 г. Формат 21×29,7 А4
Усл. печ. листов 12 Тираж 50 экз.
Отпечатано в ИП Мишулина Р.В.

ВКЛАД VIII, IX, X МИССИЙ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ ТРЁХ ПЕРИОДОВ ИСТОРИИ ПЕКИНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ.

Силакова С.А.
ИМОИВ КФУ

Историю Российской духовной миссии в Пекине, включающую в себя более чем двухвековую историю, можно условно разделить на три периода, неравных по своей длительности. Это: ранний период, так называемый «добичуринский», период начала активного изучения культурно-исторического наследия Китая – «бичуринский», а также самый длительный период в истории Миссии – «период Петра Каменского». Основное развитие Русской Миссии в Пекине было дано на стыке трёх периодов, то есть во времена трех православных миссий: восьмой (1794-1807гг), девятой (1807-1820гг) и десятой (1821-1830гг), чей вклад в организацию деятельности Пекинской миссии невозможно недооценить.

Период, предшествовавший отправке восьмой миссии в 1794 году во главе с архимандритом Софронием (Грибовским), не внёс большого вклада в развитие отечественного востоковедения. Главной задачей российской *Миссии того времени, в отличие от миссий других держав, было сохранение православной веры албазинцев и членов их семей*. "Дикообразные албазинцы, остав от своего священника, совершенно следовали своим жен наставлениям и потому стали во всей точности соблюдать китайские обряды, подражая китайцам не только в обычаях, но и в вере ...и потому их дети по руководству своих матерей остались совершенными идолопоклонниками", - писал о создавшемся положении среди бывших албазинцев архимандрит Софроний Грибовский.[11;8] К тому же, за неимением и невозможностью организации дипломатического представительства молодой Российской империи в цинском Китае, православная миссия выполняла функцию посредника в межгосударственных отношениях.¹

Несмотря на то, что для первых миссий не существовало определенных регламентаций их деятельности, началось изучение языковых особенностей, культуры, философии и истории Китая. Благодаря Пекинской духовной миссии уже с XVIII века у России появились профессиональные переводчики и китаеведы. Однако, что примечательно, по большому счету развитие китаеведения в XVIII веке основывалось на трудах не миссионеров, а учеников при Миссии. Несмотря на своё тяжелое моральное и материальное положение, преимущественно они и создавали ценные труды, способствовавшие развитию китаеведения. Ярким примером тому может служить деятельность ученика седьмой миссии Антона Владыкина. Невзирая на малое количество публикаций и переводов, он оставил след в истории изучения Поднебесной за счет преподавания им маньчжурского и китайского языков в Коллегии иностранных дел Петербурга. Ученик третьей и четвертой миссии Алексей Леонтьев создал первый русско-китайско-маньчжурский разговорник, а также совместно с учеником второй миссии Илларионом Россохиным опубликовал множество трудов по истории и этнологии маньчжуров и китайцев.[14] Совместными усилиями учеников шестой миссии (1771-1781 гг.) был создан первый маньчжуро-русский словарь.[4]

Появление в 1794 году архимандрита Софрония (Грибовского) во главе восьмой миссии ознаменовало эпоху своеобразного Ренессанса. Отец Софроний был первым руководителем, кого всерьез волновала проблема необходимости изучения материального и духовного наследия Поднебесной. Новаторство его решений состояло в организации обучения миссионеров и учеников китайскому и маньчжурскому языку с помощью частных учителей. Его же осуществленным планом стало обустройство миссионерской библиотеки, что раскрывало большую возможность для пополнения знаний и более глубокого изучения истории и языков Китая. Ко всему прочему, архимандрит стремился перевести всё богослужение на китайский язык, так как процесс китаизации потомков албазинцев ускоренно развивался; а также организовать специальную подготовку учеников в Иркутске перед отправкой в Поднебесную, состоящую в изучении азбуки китайского языка, что позволило бы облегчить первое время пребывания в Бэй-гуане.

Грибовский стал практически первым, кто начал создавать единую историю Православной Пекинской миссии. Несмотря на непрофессиональное написание этих произведений и большое количество заимствований текстов из работ Леонтьева, Агафонова и миссионеров-католиков[1;344-350], стоит отметить новаторство Грибовского, состоящее в том, что до него никто не пытался соединить историю всех миссий воедино.

¹ Такая деятельность продолжалась вплоть до 1864 года, когда ослабшие в ходе Опиумной войны Цины согласились на организацию посольств иностранных держав.

Миссия под руководством Софрония Грибовского стала вспомогательной ступенью для получения новых достижений последующих миссий. Время пребывания в Бэй-гуане архимандрита Софрония и восьмой миссии – это окончание первого этапа развития и начало второго в истории русских миссионеров, так называемый «бичуринский» период, названный по имени начальника IX миссии о.Иакинфа (Бичурина). Этот период (1809-1821) стал временем настоящего расцвета российского китаеведения, когда научные познания о Китае и Дальнем Востоке в целом продвинулись далеко вперед, превзойдя достижения предыдущих миссий вместе взятых.

Новая миссия, во главе которой встал архимандрит Иакинф Бичурин, принципиально отличалась от предыдущих. Отец Иакинф со всей живостью начал изучать письменный и устный китайский язык. Для обогащения своих познаний архимандрит решил пользоваться не только «мертвыми» материалами – трудами, написанными соотечественниками-миссионерами, а также уроками с приглашенными китайскими учителями. Чтобы прочувствовать все особенности и тонкости разговорного языка, Бичурин первым применил весьма необычный метод: одетый в китайский костюм он ходил по базарам, ярмаркам и всевозможным лавкам и, показывая на какой-нибудь предмет, просил написать его название иероглифами и записывал произношение. Полученные таким образом знания он проверял уже с учителем китайского языка.[9;664]

Данный метод приносил видимые результаты, и, по словам очевидцев, в процесс изучения восточных языков живо включились и ученики, служившие в Бэй-гуане. Для упрощения обучения Иакинф решил создать китайский словарь, который в дальнейшем разросся до поражающих объемов. Кипучей энергии миссионера хватило даже на то, чтобы переписать свое творение порядка четырех раз. Бичурин создал первый полноценный русско-китайский словарь, которому не было равным прежде ни по объему, ни по научной ценности.

Почти вековая история Миссии «добичуринского» периода отличалась тем, что православные священнослужители жили практически уединенно, не имея связей с европейскими миссионерами, а глава IX миссии, горя стремлением больше узнать Поднебесную, расширил контакты и начал общение и переписку с католическими миссионерами, изучал труды иностранных востоковедов А.Семедо, Ж.Мая, Ж.Б.Грозье.

Иакинф Бичурин положил основу создания принципиально новой отрасли российской науки – научному востоковедению. Вся деятельность миссии была практически направлена на изучение Китая и близких к нему областей, а также языка, культуры, философии, литературы, декоративно-прикладного искусства, медицины. В 1815 году Бичурин перевел с китайского «Четверокнижие»¹ – произведение, представляющее собой ключ к переводу других китайских научных и философских книг. Перевод «Описания Пекина», написанный уже в 1817 году, включал в себя план города, проверенный и выверенный отцом Иакинфом самолично, получил одобрение не только русской, но и иностранной общественности. К пекинскому периоду жизни архимандрита относят также около 20 рукописей. Это не только труды по истории и географии, но и китайской медицине, философии и ирригации.[6]

Как и архимандрит Софроний, отец Иакинф предлагал для реализации несколько проектов, способствующих развитию изучения Поднебесной. Согласно данному плану ученики, посылаемые в Китай, должны уже были иметь необходимые базовые знания о языке, культуре и истории. Первые пять лет их пребывания в Бэй-гуане должны были проходить в изучении китайского языка. Шестые и седьмые года посвящены освоению «Четверокнижия». Последние годы были по плану свободными, то есть ученик мог выбрать к изучению любой интересующий его предмет. Членам миссии было прописано пятилетнее изучение двух языков (китайского и маньчжурского), а затем освоение по собственному выбору любого направления китайского художественного промысла.

Вклад участников IX миссии в отечественное китаеведение сложно переоценить: научному изучению были подвергнуты ранее не затрагиваемые аспекты. Российские востоковеды далеко продвинулись в изучении китайского, маньчжурского и монгольского языков, создали достаточно подробное описание китайских декоративно-прикладных искусств, географии, философии и даже повседневной жизни. Однако в деятельности девятой миссии существовала особенность, существенно отличавшая её от рассматриваемых нами восьмой и десятой миссий. Духовно-просветительская составляющая в данное время была практически полностью оставлена, так как Бичурина интересовали другие аспекты деятельности. Спустя некоторое время с начала работы в Пекине дела Миссии были заброшены.² В совокупности с крайне плачевным финансовым положением миссионеров, низким уровнем дисциплины, а также фактами продажи и закладывания церковных вещей, домов и земли [2;271], это не могло не вызвать бурю негодования специальной комиссии, прибывшей из России для проверки результатов деятельности миссионеров.

Десятая миссия, отправленная в 1821 году под предводительством архимандрита Петра Каменского, ознаменовала начало новой эпохи в истории Православной Пекинской Миссии. «Период

¹ Кит 四书

² К началу работы девятой миссии в Пекине насчитывалось около 35 православных албазинцев, к 1820 году же их осталось 22 человека, что подтверждает, основываясь на фактах, теорию об уменьшении религиозной задачи миссии.

Петра Каменского», продлившийся вплоть до начала XX века, смог объединить особенности, характерные для VIII и IX миссий. С X миссии научные изыскания миссионеров развивались гармонично вместе с исполнением религиозных обязанностей и проведением религиозно-просветительской работы.

В миссию отца Петра (Каменского) впервые были включены врачи (врач 9 класса Осип Михайлович Войцеховский и врач 12 класса Захар Фёдорович Леонтьевский), работы которых существенно обогатили знания о восточной и, в частности, китайской медицине. Сохранившиеся документы того времени подтверждают, что цинские власти и сами желали видеть в составе миссии знатоков западной медицины. Включение в состав миссии врачей привело к укреплению отношений между двумя империями. Прибывшие в Пекин врачи активно изучали восточную медицину и занимались лечением цинского двора. [12;111]

Примечательно то, что изучением китайского и маньчжурского языков в десятой миссии занимались абсолютно все участники, чего не наблюдалось в предыдущих миссиях.

Особыми успехами были отмечены отношения с албазинцами, среди которых число православных изначально было невелико. Уже совсем скоро стали видны и результаты, когда число православных албазинцев начало расти. Общее число их достигло в 1821 году 94 человек. [12;115] Несмотря на 100 лет существования миссии в Пекине, лишь при X миссии открылась специальная школа для детей – потомков албазинцев. В октябре 1825 года было учреждено училище при Успенском монастыре. На обучение было принято 10 детей. С уверенностью можно сказать, что именно с начала десятой миссии началась миссионерская работа.

Большое внимание Каменский уделял пополнению библиотеки Миссии. В этот период проводилась интенсивная работа по закупке и переписыванию книг. Многие экземпляры позже были направлены в Россию. Ценнейшими пополнениями библиотеки стали работы участников миссии и переводы работ западных миссионеров. В это же время при Миссии началось формирование фонда книг по китайской медицине.

С 1820 года новаторством в выборе главы очередной миссии стал критерий отбора претендентов. Теперь руководителем миссии выбирался не священнослужитель, а человек светский, владеющий китайским языком, инициативный, имеющий способности к дипломатии. Сан священнослужителя будущий глава миссии получал незадолго до отправки в Пекин. Такая практика впоследствии применялась достаточно широко, что давало возможность увеличить круг выбора достойных претендентов.

Восьмая, девятая и десятая миссии стали главными в формировании характера деятельности Русской Православной Миссии в Пекине. Восьмая миссия организовала необходимые условия для обучения будущих востоковедов-участников Миссии, организовала библиотеку в помощь ученикам в Бэй-гуане. Девятая миссия продвинула отечественное востоковедение далеко вперед, позволив встать на одну ступень с известнейшими европейскими востоковедами. Десятая же миссия практически основала русское миссионерство, соответствующее нашему пониманию данного термина, то есть включающего в себя религиозно-просветительскую работу. Неоценимый вклад этих миссий был в дальнейшем объединен и привнесен в последующую миссионерскую деятельность в Поднебесной, что позволило Православной миссии занять свое устойчивое положение среди своих конкурентов-европейцев.

Список использованной литературы:

1. Адоратский Н. История Пекинской духовной миссии – Казань, 1887.
2. Адоратский Н. Отец Иакинф Бичурин, «Православный собеседник», 1886 г, июль.
3. Адоратский Н. Положение миссионерства в Китае. – Казань, 1885.
4. Бакшеев Ф, Агафонов А., Словарь Манджурско-российский, сочиненный и написанный в Пекине трудами переводчиков Коллегии иностранных дел Фед. Ив. Бакшеева и Ал. Сем. Агафонова. – 1781.
5. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. – Л., 1925.
6. Бичурин Н.Я., Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трех частях с картою на трех больших листах. Сочинение монаха Иакинфа. Ч.1. – СПб., 1851.
7. Дацышен В. Г., Чегодаев А. Б. Архимандрит Пётр (Каменский). — М., Гонконг: Братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла, 2013.
8. Дацышен В. Г. Христианство в Китае: история и современность. — М., 2007.
9. Иакинф Бичурин. (Автобиографическая записка.) Сообщена П. Савельевым.— Ученые записки Академии Наук по I и III отделениям. т. III, СПб., 1855.
10. Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. – М.: Восточная литература, 2002.
11. Материалы для истории Российской Духовной миссии в Пекине. Под ред. Н.И.Веселовского. Вып.1. СПб., 1905.
12. Миротворцев В.В. Материалы для истории Пекинской духовной миссии/ Православный собеседник. 1888, сентябрь.
13. Погодин М. П. Биография отца Иакинфа Бичурина, написанная в 1847 году / Беседы в Обществе любителей российской словесности при Московском университете. — 1871.

14. Россохин И, Леонтьев А., Обстоятельное описание происхождения и состояния Манджурскаго народа и войска осмии знаменах состоящего (в шестнадцати томах). – СПб., 1784.

15. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения – М, 1977.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ И МЕСТО ПОВЕСТВОВАНИЯ В КИТАЙСКИХ НАРРАТИВНЫХ ПЕСНЯХ XX – НАЧАЛА XXI ВВ.¹

Симоненко Н.Ю.

Волгоградский гос. соц.-пед. ун-т

Занимая особое место в китайской лингвокультуре, песня аккумулирует китайское мировосприятие, обрисовывает китайскую картину мира средствами вокального и инструментального исполнения, описывает особенности места действия и повествования. В рамках данной статьи мы проведем анализ пространства в китайском песенном нарративе, что позволит смоделировать типичные черты создаваемого в нем фикционального мира. Анализ проводится нами на материале 73 китайских нарративных песен XX – начала XXI вв., из которых 33 относятся к революционному периоду с 1924-го по 1977 г. (пекинский переворот 1924 г., буржуазно-демократическая революция 1925 – 1927 гг., гражданская война 1927 – 1950 гг., правление Мао Цзэдуна 1949 – 1977 гг. и Культурная революция 1966 – 1976 гг.), 40 – к периоду с 1978 г. по настоящее время (этап реформ Дэн Сяопина и «большого западного скачка»)

Мы определяем *нарративную песню* как художественное произведение коммуникативного жанра, обладающее вербальной, музыкальной и эмоциональной составляющими, с помощью которых раскрывается сюжетная линия заключённого в нём события или логически выстроенного ряда событий. Опираясь на работы отечественных и зарубежных учёных, которые занимались изучением нарратива [1; 2; 3; 4; 5], мы рассматриваем их по следующим параметрам: нарратор, персонажи, тематика, жанры, время, пространство, события, сюжеты, фоновые знания, бинарные оппозиции, ин-тертекстуальные связи, – и уделяем особое внимание средствам их языкового выражения.

Пространство относится к сцене действия, которая является своего рода продолжением персонажа [3]. Всё в этом пространстве значимо и создаёт контекст для разворачивания нарратива. Подобно времени, пространство в нарратологических исследованиях делится на дискурсивное (место наррации, повествования) и нарративное (место событий) [3]. В нашей работе мы различаем песни по их соотношению и динамике в диахроническом аспекте, что позволяет проследить связь локуса в песне с реалиями китайского общества на конкретном историческом этапе.

Отметим, что в песне чаще всего отсутствуют подробные описания места событий, что объясняется краткостью песни как жанра. Опыт взаимодействия в среде определённой культуры позволяет достраивать, «дорисовывать» фикциональную реальность песенного нарратива. Описывая важность анализа пространства в литературе, Ж. Женетт пишет, что простой анализ места действия, пейзажа и интерьера не отражает сути этого пространства. Он связывает пространство в нарративе с тем, что Поль Валери называл «поэтическим состоянием», одним из аспектов которого является «очарованность пространством». Это то, что, по его мнению, заполняет пространство литературы, но не связано с языком произведения. Сам язык «говорит обо всём в пространственных терминах» и «сообщает всему пространственность» [2, с. 279 – 282]. В нарративной песне вокальный и инструментальный компоненты способны подчеркнуть описанное в тексте песни пространство.

В песнях часто используются описательные словосочетания, которые сообщают о красоте природы дискурсивного пространства. Такие указания включают развернутые описания рек, гор, степей, полей, неба, как, например, в песнях: *四季歌* («Песня о временах года»):

春季到来绿满窗。 <...> 夏季到来柳丝长, <...> 江南江北风光好, 怎及青纱起高粱。 秋季到来荷花香。 <...> 冬季到来雪茫茫。	Весна пришла, зеленью наполнились окна. <...> Лето пришло, выросли тонкие ветви ивы, <...> До чего хороши пейзажи в Цзяннань и Цзянбей, Возвышаются здесь зеленые стебли гаоляна. Вот с осенью и ароматы лотоса пришли. <...> Пришла зима с бескрайними снегами.
---	--

и *《灿烂的朝霞》* («Сверкающая утренняя заря»):

灿烂的朝霞,	Сверкающая утренняя заря, Восход в золотом Пекине!
--------	---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФНФ научного проекта №15-04-00500